

Глава 41

Увидев, как к нему во весь опор несется рослый и мощный белоснежный жеребец, Чжу Цзылин поначалу оторопел, но уже в следующее мгновение глаза его азартно блеснули.

Сказать по правде, он давно не оказывался в столь многообещающей ситуации.

В конце эпохи апокалипсиса почти все животные старались держаться от людей как можно дальше: любое создание, попавшееся на глаза человеку, неизбежно заканчивало свой путь в чьем-нибудь желудке. Травоядные вроде лошадей не охотились на людей, а потому не видели смысла вступать в конфликт. Любое мало-мальски разумное существо стремилось скрыться в лесах или горах, лишь бы не стать обедом.

То, что конь сам, по собственной воле, бежал навстречу человеку, в его прошлом мире сочли бы манной небесной. О таком невероятном везении каждый мог только мечтать.

И хотя теперь Цзылин не страдал от голода, старая привычка — при виде любой живности первым делом прикидывать её вкус — всё еще была сильна.

Вместо страха Чжу Цзылин испытал искренний восторг. Несущаяся на него опасность в его глазах превратилась в огромный кусок ходячей вырезки! Он не только не попятился, но даже непроизвольно облизнулся.

Пусть его иньин и не обладала прямой разрушительной мощью, но, полагаясь на ментальную способность и отточенную в боях реакцию, он вполне мог свалить одного коня. Цзылин замер на месте, вперив горящий взгляд в Люэин. Когда до скакуна оставалось лишь несколько шагов, юноша начал концентрировать энергию в ядре, готовясь нанести удар...

Белый жеребец был значительно выше Цзылина. Подлетев вплотную, он не только заслонил собой солнце, но и взвился на дыбы, накрыв юношу огромной тенью. Тяжелые копыта, подбитые железом, замерли прямо напротив груди — казалось, один мощный рывок, и кости будут раздроблены в пыль. Даже морда животного приняла суровое и яростное выражение; Люэин смотрел на него с нескрываемой враждебностью, словно дикий зверь.

Цзылин, хоть и не чувствовал смертельной угрозы, всё же оставался настороже. Чисто из осторожности (а скорее — из предвкушения), он приготовился атаковать в тот самый миг, когда жеребец приземлится, чтобы нанести удар.

Люэин взлетел в высоком прыжке...

Выше...

Ещё выше...

И просто перемахнул через Чжу Цзылина.

Приземлившись за его спиной, конь даже не обернулся. Он сорвался в галоп, несясь вперед еще стремительнее, чем раньше.

Накопленная Цзылином энергия ушла в никуда. Пораженный, он обернулся, но не увидел даже кончика белого хвоста.

«Да что же это такое? — возмутился он про себя. — Этот конь — точная копия своего хозяина!»

«Какое-то животное посмело разыграть его так же, как Жун Чжао! Подразнило и сбежало, заставив впустую тратить силы!»

Ван Сяньхэ, увидев, как Люэин летит на юношу, в ужасе зажмурился. Прошло несколько томительных секунд, но вместо крика боли он услышал лишь удаляющийся стук копыт.

Евнух осторожно открыл глаза и замер: Чжу Цзылин стоял цел и невредим, лишь недовольно надул щеки, глядя вслед беглянцу.

— Ван... Ванфэй, вы в порядке? — дрожащим от волнения голосом спросил Ван Сяньхэ. — Люэин вас не задел?

Цзылин пришел в себя.

— Нет, он просто убежал. Быстро же несется, — проворчал он себе под нос.

Ему не хватало способностей для атаки на расстоянии, так что оставалось лишь бессильно злиться на наглого скакуна.

— Убежал? — управляющий растеряно моргнул.

Судя по тону Цзылина, тот был... разочарован?

Как бы то ни было, старый слуга облегченно выдохнул.

— Слава небесам, что вы целы. Люэин невероятно свиреп, его никто, кроме Ванъе, обуздать не может. Он в свое время нескольких воинов Северных Ди до смерти забил копытами. Какое счастье, что он не тронул вас, иначе старый слуга до конца дней не искипил бы своей вины.

Ван Сяньхэ всё же не покидало недоумение. По всем признакам жеребец собирался напасть. Жун Чжао не было рядом, и остановить его было некому, так почему же он передумал в

последний момент?

К тому же, хоть Люэин и славился диким нравом, он долго служил князю и не был совсем уж неуправляемым. В конюшне за ним ухаживали по высшему разряду, с чего бы ему внезапно выходить из себя? Юноша подошел близко, но вряд ли это могло спровоцировать животное на такой погром.

«Неужели кто-то подстроил это специально?»

Однако размышления евнуха прервал голос Цзылина:

— И где он свирепый? По-моему, он просто трусливый и чересчур хитрый. Сделал вид, будто несется на меня, а сам в последний момент увернулся и дал деру. А я-то, дурак, приготовился защищаться.

— Этот конь еще больший мастер пускать пыль в глаза, чем Ванье.

— ...

Ван Сянхэ почувствовал, как мысли превратились в белый шум. Он окончательно замолчал.

«Либо с моими ушами что-то не так, либо я сошел с ума. Иначе как объяснить то, что Чжу Цзылин не только не дрожал от страха, но и с явным сожалением называл Люэин трусом? А Жун Чжао — мастером притворства?»

Хрупкий юноша не выдержал бы и одного удара Люэина. Ладно, если он сам по натуре бесстрашен, но как можно было принять атаку за бегство и приплести сюда Ли-вана?!

Евнух не нашелся, что ответить, и предпочел сменить тему.

— Люэин сбежал из конюшни, нужно немедленно доложить Ванье. Только он сможет вернуть его обратно.

Помедлив, он робко спросил:

— Ванфэй... вы желаете продолжить выбор?

Цзылин покачал головой.

— Не стоит.

Он и так не горел желанием выбирать лошадь, а раз уж личный скакун Жун Чжао сбежал по его вине, лучше взять паузу.

— Пойду на кухню, велю приготовить приправы, — решил Цзылин.

По сравнению с конями и луками, зира, перец и острый соус казались куда более важными вещами для подготовки к охоте!

***

Получив известие о побеге, Жун Чжао нахмурился. Он нашел Люэина, который уже успел пронестись по доброй половине поместья и перемахнуть через несколько стен, и издал резкий свист.

Белоснежный жеребец, только что наслаждавшийся свободой, внезапно замер. Он резко затормозил, его длинная шея дернулась из стороны в сторону, словно он пытался оценить обстановку.

Когда раздался второй свист, конь удрученно фыркнул, но всё же развернулся и поскакал на зов.

— Что с тобой такое? Совсем страх потерял? — холодно осведомился Жун Чжао, глядя на своего любимца ледяным взглядом.

Наглый жеребец, который только что бесчинствовал в поместье, топтал цветы и ради забавы пинал фонари, теперь стоял перед хозяином тише воды, ниже травы. Люэин виновато переступал длинными ногами, не смея даже потянуться к сочным молодым листьям на дереве прямо перед носом.

«И-го-го...» — тихо отозвался конь. Несмотря на покорную позу, в его голосе слышалась какая-то обида, словно он пытался оправдаться.

Стражники, которые безуспешно пытались поймать его всё это время, в гневе обратились к князю:

— Ванъе, Люэин только что разнес ворота во дворе Ланьтин! Он и не думал останавливаться, когда мы приказывали, еще и специально пылью нас обдал!

Люэин был на редкость умен — на поле боя он понимал каждое слово. Он прекрасно знал, чего от него хотят, и действовал из чистого вредительства!

Жун Чжао посмотрел на жеребца.

— Ты хочешь еще на месяц оказаться под замком?

«И-го-го...» — на этот раз голос Люэина звучал совсем робко, он покорно опустил голову.

Князь знал, что эта бестия наверняка лишь притворяется раскаявшейся, но таков был его нрав. Не желая тратить время на пререкания с животным, он повернулся к управляющему:

— Так что именно произошло?

Ван Сяньхэ пересказал события, добавив свидетельства слуг:

— Возможно, Ванфэй подошел слишком близко, а Люэин его раньше не видел, вот и испугался, впал в ярость и выломал загон. Сначала казалось, что он хочет затоптать Ванфэй. Я так испугался, что глаза закрыл.

— К счастью, Люэин оказался умнее и не перешел черту. Видимо, ему просто хотелось на волю, так что он пронесся мимо, не причинив вреда. Сам Ванфэй ничуть не испугался, только... только посчитал, что Люэин трус и специально притворился, что нападает, лишь бы выгадать момент для побега...

Евнух благоразумно умолчал о сравнении князя с «мастером пускать пыль в глаза», и Жун Чжао не заподозрил подвоха.

Он на мгновение замолчал.

— ...Ванфэй действительно так решил? Как он сейчас?

Неужели он и впрямь не испугался этой бешеной скачки?

— Ванфэй уже ушел на кухню, — ответил Ван Сяньхэ.

— ...

Что ж, раз он отправился за едой, значит, с нервами у него всё в порядке.

— Раз он его не тронул, значит, дело не в нем. Почему же он взбунтовался? — Жун Чжао бросил подозрительный взгляд на жеребца.

— ...

Белый жеребец переступил копытами и отвел взгляд.

«И-го-го...»

— Ладно. Он хоть и умный, но всё же конь, человеческой речи от него не дождешься. Осмотрите конюшни еще раз. Убедитесь, что никто не приложил к этому руку, — приказал князь, слегка нахмурившись.

***

Во время ужина Жун Чжао незаметно наблюдал за супругом. Убедившись, что на лице того нет ни тени испуга, он произнес:

— Ванфэй не смог выбрать коня, стоит сходить еще раз.

Чжу Цзылин в этот момент увлеченно грыз внушительную свиную рульку — ароматную, нежную и совсем не жирную. Его губы блестели от соуса. Услышав слова мужа, он оторвался от еды и удивленно посмотрел на него:

— А? Опять выбирать?

Жун Чжао приподнял бровь.

— Ты не хочешь?

— М-м... Не вижу в этом смысла, — осторожно подбирая слова, ответил Цзылин.

Честно говоря, вкус этих коней интересовал его куда больше их скаковых качеств, но Жун Чжао явно не одобрит превращение породистых жеребцов в жаркое. Так что проку от такого подарка было немного.

К тому же...

— Сомневаюсь, что найду подходящего, — добавил юноша. — Говорят, конь Ванье самый свирепый, а он при виде меня так перепугался, что сбежал. Другие, небось, и вовсе сознание потеряют.

Жун Чжао смотрел, как шевелятся алые от соуса и масла губы супруга, как между белоснежными зубами мелькает розовый кончик языка, и невольно засмотрелся. Впрочем, он быстро взял себя в руки, стараясь не выказать странного замешательства.

— ...Ванфэй думает, что Люэин убежал, потому что испугался его? — со сложным выражением в глазах спросил князь.

Цзылин невинно моргнул.

— А разве нет?

— ...Ты слишком много на себя берешь. У Люэина просто скверный характер, он искал повод порезвиться на воле. Твое присутствие тут ни при чем.

Слуги в конюшне ничего подозрительного не нашли, а жеребец успокоился, так что это объяснение оставалось единственным логичным.

— Хм... — Цзылин вспомнил, как хитро скакун разыграл ту «атаку», и признал, что тот вполне способен на такие интриги. — Возможно, вы и правы.

— Если опасаться идти один, в следующий раз я пойду с тобой, — видя сомнения юноши, произнес Жун Чжао. — Обещаю, неожиданностей больше не будет.

Чжу Цзылин лишь вздохнул про себя.

«Неужели мне обязательно самому скакать по лесам? Неужели нельзя просто съесть то, что добудет Жун Чжао?»

***

Пока в поместье Ли-вана решали вопрос со скакунами, на другом конце столицы, в доме министра Чжу, госпожа Ху была на грани отчаяния.

Собрать семь тысяч лянов наличными после того, как Чжу Цзылин и без того основательно опустошил их запасы, оказалось непосильной задачей. К тому же после скандала на празднике любования хризантемами Чжу Жуйхун приказал ей сидеть тихо и замаливать грехи, что сильно связывало ей руки. Любое подозрительное движение могло дойти до ушей мужа.

Госпоже Ху пришлось действовать предельно осторожно. Она потихоньку правила счета, выгребала из кладовых залежавшееся добро и украшения, которые редко надевала — так ей удалось наскрести нужную сумму. Женщина была куда осмотрительнее Чжу Цзычжэня: за годы управления домом она знала каждую вещь и не стала бы закладывать ценности, пропажу которых министр заметил бы сразу.

Ей удалось скрыть свои манипуляции от глаз супруга. Однако, собрав деньги, они столкнулись с новой бедой.

Раз семь тысяч лянов были готовы, она велела сыну немедленно выкупить заложенное имущество, особенно её любимую золотую буяо.

Чжу Цзычжэнь поначалу не беспокоился. Он оформлял залог как «живой», то есть с правом выкупа. Но когда юноша явился в лавку с деньгами, хозяин вдруг пошел на попятную.

— Молодой господин Чжу, так дела не делаются. Мы ведь не благотворительная организация. Наша лавка должна приносить доход, а не просто выручать людей в трудную минуту.

— Я и не прошу отдавать бесплатно! — юноша гневно сверкнул глазами. — По правилам, если я возвращаю долг в течение трех дней, я должен доплатить лишь две ли сверх суммы. Это «живой» залог, мы договаривались об одном месяце. Что за фокусы?!

— Ой, горе мне! — хозяин лавки картинно всплеснул руками и расплылся в ехидной улыбке. — Я и не признал в вас такого щедрого господина! Раз вы готовы платить, то никаких проблем — забирайте свои вещи! Вот только...

Цзычжэнь нахмурился.

— Что «только»?

Лавочник вежливо, но твердо произнес:

— Видите ли, в нашем заведении правила немного иные. Двух ли будет маловато. С вас пять фэней.

— Пять фэней?! — голос сорвался на крик. — Ты среди бела дня грабить меня вздумал?! По закону положено две ли, с какой стати я должен платить пять фэней?!

Юноша прищурился, в его голосе зазвучала угроза:

— Ах ты, паршивый торгаш! Думаешь, сможешь меня облапошить? Ты хоть знаешь, кто я такой? Посмел обманывать сына министра! Хочешь, чтобы завтра твою лавочку опечатали?!

Чжу Цзычжэнь был уверен, что эти слова заставят лавочника дрожать от страха, но тот лишь еще шире улыбнулся.

— Ну что вы, как можно не знать молодого господина! Вы ведь законный сын министра и родной брат нынешней Ванфэй! — В голосе собеседника послышалась неприкрытая издевка. — С вашим-то положением переплатить пять фэней за выкуп — сущие пустяки. Зачем же так пугать бедного торговца?

Упоминание Чжу Цзылина заставило Цзычжэня скрипнуть зубами.

— Я не дурак! И хотя денег у меня куры не клюют, я не собираюсь потакать твоему вымогательству! Пять фэней — это грабеж! Если я доложу об этом властям, закон будет на моей стороне!

— Ну, это мы еще посмотрим, — лавочник вовсе не испугался. Напротив, он выглядел на редкость уверенным.

Юноша почувствовал неладное.

— Что ты хочешь этим сказать?

Торговец усмехнулся:

— Слова — это ветер, а вот чернила на бумаге имеют вес. Молодой господин собственноручно подписал договор. Пять фэней там или две ли... Стоит лишь взглянуть.

Чжу Цзычжэнь почувствовал, как в голове помутилось.

— Невозможно! — выпалил он. — Я сам читал договор, там было написано «две ли»!

— Так взгляните сами, кто вам мешает? — спокойно предложил хозяин лавки.

Тяжело дыша от волнения, юноша выхватил свиток. Его руки так сильно дрожали, что он не сразу смог его развернуть. Обычно правила залога везде одинаковы, и договор — лишь формальность. Он и подумать не мог, что лавка осмелится на такой наглый шантаж, а потому при подписании лишь мельком глянул на цифры. Ему казалось, он видел «две ли».

Наконец он совладал с бумагой и уставился в текст. Там, где в его памяти значилось «две ли», четким и ясным почерком было выведено: «пять фэней».

В голове у Чжу Цзычжэня зашумело. Перед глазами всё поплыло, он несколько раз потрянул головой и снова впился взглядом в страницу, но иероглифы «пять фэней» никуда не исчезли.

— Ну как? — Хозяин лавки подошел ближе и вкрадчиво проговорил: — Разве я обманывал вас, господин? Проценты в пять фэней прописаны черным по белому. И под этим стоит ваша подпись и печать. Раньше вы так легко соглашались, а теперь вдруг пошли на попятную. Неужели благородный господин решил нарушить слово?

Цзычжэнь в ужасе мотал головой.

— Нет... это не то, на что я соглашался! Это ловушка! Вы специально подстроили это, чтобы вытянуть из меня деньги! Мой отец — министр ритуалов! Как вы смеете творить такое беззаконие?!

Лицо лавочника мгновенно посуровело.

— Что за речи, молодой господин? Разве мы силой заставляли вас закладывать эти вещи? Мы и знать не знали, что вы почтите нас своим визитом. В договоре ясно сказано: пять фэней. Если условия не нравились, могли пойти в другую лавку, никто вас за полы не держал.

Юноша задохнулся от ярости:

— Кто знает, какими хитростями вы пользуетесь! Везде берут две ли, а вы подсунули мне договор с пятью фэнями! Даже если я по неосторожности подписал его, это явное мошенничество!

Хозяину лавки, похоже, надоел этот разговор.

— Хватит пустых слов, господин Чжу. Раз в договоре ваша подпись — платите по тарифу в пять фэней. Или же и вовсе забудьте о своих вещах. И не вздумайте жаловаться властям или отцу. Рассказать всем о собственной глупости — значит лишь выставить себя на посмешище. Никакого толка от этого не будет.

— Ты! — Цзычжэнь от ярости едва не кинулся на наглеца с кулаками. Однако, заметив в дверях нескольких крепких подручных, он с трудом сдержал порыв. — Значит, ты твердо решил обобратить меня и пойти против моего отца?!

Привыкший к тому, что статус Чжу Жуйхуна открывает перед ним любые двери, он впервые оказался в таком положении. Даже если он совершил ошибку и закон формально был не на его стороне, такие дела обычно решались миром. Министру ничего не стоило разорить лавочку без влиятельных покровителей. Но торговец действовал так, словно ни во что не ставил высокопоставленного чиновника.

— В торговле главное — честность. О чем договорились вначале, то и должно быть исполнено. Разве это значит идти против министра? — Лавочник усмехнулся, а затем его тон стал откровенно презрительным: — В конце концов, речь идет о каких-то паре тысяч лянов. Неужели у вас нет таких денег? К чему эти споры? Так что, будете выкупать?

— ...

Цзычжэнь стиснул зубы так, что те заскрипели. У него действительно не было этих денег. Поняв, что собеседник не отступит, юноша сделал несколько глубоких вдохов.

— У меня найдется и две тысячи, и десять, но я не стану кормить такого лжеца, как ты! Я не дам тебе ни гроша, даже если речь пойдет о паре сотен!

С этими словами он резко развернулся и вылетел из лавки. Хозяин заведения посмотрел ему вслед и смачно сплюнул на порог.

— Денег нет, а форсу — на миллион. Сынок министра, а ведет себя как оборванец. Тьфу!

<http://bllate.org/book/15829/1440291>